

УДК 101.1:316.42

О.Т. Лойко, Н.А. Вакурина

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЗМА

Рассматривается проблема соотношения социальной и исторической памяти. Социальная память направлена на достижение ценностно-смыслового консенсуса, память историческая стремится сохранить и передать фактические знания о прошлом. Социальная память и память историческая, имея идентичный объект отражения, отличаются способами фиксации его содержания и формами отражения социального бытия.

Ключевые слова: социальная память, историческая память, социальное бытие.

Анализ глубинной укорененности человека в мире памяти, традиция которого восходит к античности, являлся постоянным лейтмотивом философской и исторической мысли. «Случай с памятью» – так называется одна из философских повестей великого вольнодумца Вольтера. С присутствием ему сарказмом Вольтер пишет, что род человеческий, ветреный и неблагодарный в очередной раз обидел память. Дочери Мнемозины вступились за мать и, чтобы отомстить людям, лишили их памяти. Утратив дар воспоминаний, люди потеряли способность выполнять простые дела. Они не узнавали друг друга, с трудом отыскивали себе «хлеб насущный». На земле воцарился хаос, но Мнемозина сжалилась над глупцами, вернув им дар памяти со словами, что без памяти нет ума. Тезис о взаимосвязи памяти и ума не нуждается в доказательстве. Но возникает другой вопрос, о какой памяти идет речь – социальной и/или исторической? Ответ предполагает выявление двух проблем: сходства и различия памяти исторической и социальной и в каком отношении правомерно рассматривать «возраст» социальной и исторической памяти.

Историческая память – это, в первую очередь, сознательное обращение к прошлому со всеми его положительными и отрицательными моментами, попытка восстановить действительность прошедших событий. Историческая память является предметом исследования и историков, которые ставят целью выявить, «как, собственно, происходило» то или иное историческое событие, и философов, которые пытаются выяснить основные тенденции и смысл исторического развития, отраженные в историческом сознании. Речь идет о соотношении реального прошлого и его сохранении

и адекватном понимании актуальным настоящим. Но, как отметил академик В.К. Егоров, современный уровень исследования исторической памяти напрямую связан с аксиологическими компонентами, во многом определяющими содержание исторической памяти народа [1. С. 24]. Именно ценностно-смысловая нагруженность исторической памяти стимулирует исследование ее взаимосвязи с памятью социальной. Эта взаимосвязь историками анализируется через призму функциональных отношений.

Так, в работе Б.Г. Могильницкого отдельный раздел посвящен функции социальной памяти, которая, по его мнению, «меняет свое содержание на разных этапах исторической науки не только вследствие избирательного характера подхода к явлениям прошлого, но и, в не меньшей степени, в силу их оценки. Одни и те же явления прошлого нередко получают в разных системах исторических представлений диаметрально противоположную оценку, что определяет их неодинаковое звучание в памяти различных общественных классов. Не удивительно, что функция социальной памяти имеет ярко выраженный мировоззренческий характер» [2. С. 158].

Мировоззрение как достаточно устойчивая система наиболее общих воззрений на мир и место человека в нем именно в силу своей всеобщности ориентируется на социальную память, в то время как историческая память, в силу своей временности, обращается к более конкретным феноменам, включая как запоминание их содержания, так и забвение. Общепринятое представление о запоминании как до конца осознанном акте потому и недиалектично в своей основе, что в действительности мы запоминаем не только то, что хотим (осознаем, понимаем), но и то, что не ставим целью запомнить (не осознаем, не понимаем в данный,

конкретный момент). Запоминание выступает в этом отношении как элементарная исходная абстракция памяти, которая является тождественной забыванию. Достаточно подробно глубинная диалектика забывания и памяти анализируется в книге Ф.Г. Юнгера (Friedrich Georg Junger) «Память и воспоминание». Он пишет: «Мысль превращается в задуманное. Мышление о задуманном и есть память как повторение мысли. Что-либо, бывшее в прошлом, появляется вновь, если мы позаботимся об этом воспоминании» [3. С. 11]. По его мнению, забывание тождественно памяти, но «событие, происшедшее в прошлом, путем его сознательного воспоминания, остается в памяти (Im-Gedchtnis-Behaltenes)» [3. С. 12].

В качестве теоретического аргумента, обосновывающего данное небесспорное утверждение, обратимся к анализу концепции памяти французской историко-методологической школы, реализованной в серии изданий под общим названием «Место памяти». Группа исследователей (рук. П. Нора) исходит из констатации разрыва между исторической памятью и историей как следствием того, что историческая память не сохранила нам общей непрерывной картины истории. Первый результат отрыва истории как науки от исторической памяти П. Нора усматривает в самом существовании историографического сознания. «История историков», – отмечают они, – сформировала особую среду памяти, постепенно складывающуюся от создателей средневековых хроник до представителей исторической науки, каждый из которых воссоздавал картину ограниченной памяти – памяти династий, монархов, народов, наций. Характеризуя историческую память как память-архив, П. Нора отмечает, что в этом случае память сводится к своеобразному складу материальных запасов, которые мы не способны удержать в воспоминаниях. В связи с этим возникает вопрос о том, что из всего многообразия исторических материалов действительно должно бы запомнено, то есть трансформировано из памяти исторической в память социальную. Иными словами, как научиться искусству забывания неважного и не значимого и, одновременно, овладеть мастерством запоминания существенного. Но было бы поспешным считать, что искусство забывания – это некий неуправляемый, стихийный процесс. Забвение в исторической памяти выступает как целенаправленный, осознанный процесс. Причем в рамках исторической науки оно принимало, в результате целена-

правленной деятельности, системный характер. Сами создатели исторических источников изобрели достаточно универсальные способы забывания фактов исторической памяти, сообщая о событии неправду или умалчивая о правде.

В эссе «Шапка Климентиса» приводится факт подобного умалчивания. В феврале 1948 г. лидер чехословацких коммунистов произносит речь в Праге перед многочисленной толпой слушателей. С этого момента начинается история коммунистической Чехии. Идет снег, падающий на непокрытую голову К. Готвальда. Климентис, один из сподвижников К. Готвальда, в порыве участия снял со своей головы меховую шапку и водрузил ее на голову лидера. Этот факт – К. Готвальд в меховой шапке – был зафиксирован и растиражирован в тысячах фотографий, став хрестоматийным. Четыре года спустя Климентис был обвинен в измене и повешен. «Отдел пропаганды тотчас изъял его из истории и, разумеется, из всех фотодокументов. С этого времени Готвальд стоит на балконе один. На том месте, где был Климентис, теперь только голая стена дворца. От Климентиса осталась лишь меховая шапка на голове у Готвальда» [4. С. 101]. Примеры манипуляций с содержанием исторической памяти можно отыскать в истории практически любого периода любой страны. Отметим, что утеря референции, вытеснение, вычеркивание из исторической памяти того или иного факта, оставляя тонкий пробел, как бы след своего уничтожения, происходят не только в материальной, не языковой сфере (в данном примере в сфере фотодокумента). На самом деле этот процесс осуществляется в порядке дискурса государственной знаково-символической системы, как бы «процеживающей» воспоминания об исторических событиях и наполняющей историческую память определенными высказываниями, фактами, которым суждено легальное бытие в исторической памяти.

Причем иные высказывания и факты сознательно обрекаются на вытеснение, забывание, что приводит к искажению содержания исторической памяти. В этом случае историческая память выступает как отражение своеобразного «заказа» на то или иное видение прошлого. Следствием этого являются переписывание, переоценка исторического прошлого, в котором его содержание сознательно профанируется или, напротив, сублимируется.

В качестве предварительного вывода отметим, что подобные манипуляции, искажающие содержание социальной памяти, сравнительно редки.

Социальная память в силу того, что она охватывает больший объем запоминаемого материала, менее связана с вещественными носителями своего содержания, слабее подвержена манипуляции. Кроме того, сам процесс бытования социальной памяти реализуется в таких формах ее существования, которые охватывают глубинные сущностные характеристики социума, коренящиеся в мифах и архетипах. В то же время анализ социальной памяти с позиций историзма, позволяет перенести проблему «забвения – запоминания» в парадигму «знания – незнания». Знание предполагает фиксацию в общественном сознании прошлого состояния социума и воспроизведения сложившихся типов общественных отношений или определенных сторон этих отношений. Незнание выступает как сознательный отказ от использования уже отрефлексированного, проверенного историей социального опыта и попытка создать нечто новое в общественных отношениях. Подобное незнание ведет к волонтаризму и анархии в социальных отношениях, непродуманных реформах сложившихся социальных институтов, будь то образование, культура или экономика. В этом случае происходит сознательный отказ от фактов, которые лежат в основе исторической памяти.

Трактовка содержания исторического факта зависит не только от субъективных пристрастий исследователя, но и от той научной парадигмы, в рамках которой он работает. Сами историки в своей деятельности по реконструкции исторического прошлого не свободны от определенных массовых стереотипов, от социальных стимулов своей теоретической деятельности, а также творчества в области создания «новых мифов» и от процессов интеллектуализации обыденного исторического сознания, сколь бы неоднозначны и противоречивы они ни были. «Перед историком, – пишет И. Олабарри (I. Olabarrí), – стоит задача не изобретать традиции, а скорее, изучать, как и почему они создаются. Мы должны сформулировать некую историческую антропологию нашего собственного племени. Но одно дело, когда антропологи просто симпатизируют тому племенному сообществу, которое они изучают, и совсем другое – когда они становятся его шаманами» [5. Р. 178]. Озабоченность испанского историка вполне понятна, так как реализация, даже гипотетическая, данной программы, приводит к чрезмерной субъективации в оценке прошлого, что, в свою очередь, чревато опасностью манипулирования как историческим сознанием, так и содержанием памяти.

Можно предположить, что речь в данном случае идет не столько о самом факте, отражающем содержание памяти, сколько о том, как оно понимается последующими поколениями. Исторический факт в этом случае рассматривается и как принадлежность собственно истории, и как достояние науки, отражение в науке факта, имевшего место в реальной жизни. Познание как отражение действительности воспроизводит только часть реальности, в данном случае – прошлого. Совпадение факта жизни и факта науки – это проблема, которая вряд ли будет до конца решена. Историк, изучающий ту или иную эпоху, далеко не всегда располагает всеми необходимыми фактами. Поэтому вопрос не только в том, как интерпретируются факты, но и в том, какой полнотой фактических данных о прошлом обладает историк в момент проведения исследования. Кроме того, обращение к исторической памяти тесно связано с проблемой исторических альтернатив. История, еще в древности названная учительницей жизни, способна предостеречь от ошибочных вариантов. Но опыт истории, ее уроки не гарантируют того, что если мы поступаем не так, как ошибавшиеся предшественники, то действуем правильно. Это было бы справедливым лишь в том случае, если бы в жизни всегда было только два пути и, соответственно, существовал выбор по принципу «или – или». Поэтому качество и полнота исторической памяти в значительной степени характеризуются широтой и глубиной осознания исторических альтернатив. По существу проблема исторической памяти принимает форму исторической герменевтики, а сама историческая память в этом отношении выступает в качестве одного из измерений памяти социальной. Но сам процесс понимания сущности и смысла истории, отраженной в исторической памяти, может быть значительно отягощен субъективными, психологическими, культурными и иными пристрастиями самих историков. В этом случае возникает ситуация, когда одно историческое событие прошлого получает разнообразные, иногда прямо противоположные интерпретации.

Проблема противоречивости в интерпретации события или факта может быть значительно смягчена при условии рассмотрения события в контексте не исторической, а социальной памяти. По нашему мнению, положение о том, что социальная память является лишь функцией истории, в состав которой входит не только накопление и сохранение опыта поколений, но и оценка отдельных ис-

торических явлений, сужает значимость социальной памяти. Понимание социальной памяти лишь в функциональном ключе значительно элиминирует ее эпистемологические возможности, ограничивая их аксиологически нейтральной дескрипцией, не затрагивая сущностных характеристик. Не является достаточно обоснованной и позиция О.Г. Эксле, который стирает различия между социальной и исторической памятью, рассматривая их как формы памяти, «где историческое, как и социальное, представляются как тесно связанные друг с другом» [6. S. 75]. Различие между этими двумя формами памяти О.Г. Эксле видит лишь в одном. Социальная память, выступая в своем высоком смысле как «*Memoria*», являет память о вечности в евангельском смысле бытия. Историческая же память описывает обыденное, профанное. Подобная дихотомия «обыденное – профанное», введенная без достаточного обоснования, влечет за собой явное искажение содержания памяти как исторической, так и социальной. Налицо еще одна попытка дескрипции исторической и социальной памяти, без введения определенных системных оснований, что не позволяет задать критериальные параметры анализа как исторической, так и социальной памяти, а значит, и ответить на вопрос, поставленный в начале статьи. В то же время изложенные выше позиции позволяют выявить, во-первых, сходство исторической и социальной памяти, во-вторых, специфику каждой из них.

Центральным системообразующим моментом, объединяющим социальную и историческую память, является человек (человечество в целом), который выступает носителем как исторической, так и социальной памяти. Но человек, сочетая в себе временное и вечное, всеобщее и особенное, постоянно конструирует свое отношение к миру, и в этом постоянном творческом диалоге возникает социальная память. Таким образом, человек, социальная группа и общество в целом выступают объектами и одновременно субъектами как исторической, так и социальной памяти. Объектами – в той мере, в какой они разворачивают в социуме свое объективное социальное бытие. Субъектами – поскольку они способны активно изменять и даже манипулировать содержанием памяти. Но здесь возникает вопрос о «возрасте» памяти социума. Историческая память как более ранняя форма рецепции бытия человека и человечества имеет значительно более длительную историю и, соответственно, больший возраст. Началом ее являются

первые исторические описания прошлого, зафиксированные в текстах.

Социальная память могла возникнуть тогда, когда было утрачено первоначальное единство социума и было необходимо создавать иные теоретические конструкты, отражающие социальное бытие отдельного человека, группы, государства, когда история стала представляться не только как рассказ о прошлом, о том, что было, но и анализироваться как особая временная ценность, как то, что Ф. Ницше назвал «надисторическим». Социальная память возникает с того момента, когда человек начинает осознавать себя не только членом родовой, клановой, цеховой организации, а свободным субъектом, способным самостоятельно определять ценностно-смысловые ориентиры своего бытия. Таким образом, единство объектно-субъектных оснований исторической и социальной памяти порождает различие между ними тогда, когда речь идет о содержании информационной и культурно-семиотической наполненности данных феноменов. Историческая память фиксирует в своем содержании то, что уже было. Социальная память способна включить в свое содержание то, что есть, и то, что еще будет, но латентно присутствует, бытийствует здесь и сейчас. Социальная память в своей интенции направлена на достижение ценностно-смыслового консенсуса, память историческая стремится сохранить и передать истинные знания о прошлом. Соответственно, понятия «социальная память» и «память историческая», имея идентичный объект отражения, отличаются способами фиксации его содержания и формами отражения бытия как на информационном, так и на культурно-семиотическом уровне. Результаты исследования социальной памяти в контексте историзма позволили выявить процесс и динамику ее становления в качестве субъект-объектной детерминанты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егоров В.К. Историческая память: преемственность трансформации // Социс. 2002. № 3.
2. Могилицкий Б.Г. Введение в методологию истории: Учеб. пособие. М., 1989.
3. Jünger F.G. Gedächtnis und Erinnerung. Frankfurt a/M., 1957.
4. Куртин Ж.-Ж. Шапка Климентиса (заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе) // Квадратура смысла: фран. школа дискурса / Пер. с фр. М., 1999.
5. Olabarrri I. Historie and Science /Memory and Myth: towards new relations between historical science and literature // 18 International Congress of Historical Sciences. Monreall, 1995.
6. Oexle O.G. Die Gegenwart der Lebendigen und der Toten. Gedanke über Memoria Gedächtnis, das Gemeinschaft stiftet. München; Zürich, 1985.